

Антипов Александр

Стронциево солнце.
Биография свободы в стихах

18+

Антипов Александр

**Стронциево солнце.
Биография свободы в стихах**

«Автор»

2026

Александр А.

Стронциево солнце. Биография свободы в стихах /
А. Александр — «Автор», 2026

«Стронциево солнце» — книга, объединяющая прозаический пролог и лирический корпус из 108 стихотворений, выстроенных в единую автобиографическую хронологию. Основу сюжета составляет психологическая эволюция лирического героя. Текст фиксирует последовательный переход от кризисных состояний юности, масок модернистского театра и разрушительного личного опыта к укоренению в реальности, принятию семейных ценностей и утверждению статуса отца и защитника. Географический каркас книги охватывает пространства от Таймыра до Новороссийска, сфокусированных вокруг башкирских истоков автора. Индивидуальный художественный метод автора строится на интеграции техногенной, индустриальной и медицинской терминологии в строгую силлабо-тоническую структуру классического русского стиха. Важную часть книги занимает прямой филологический диалог с наследием Серебряного века.

© Александр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1.	6
2.	7
3.	8
4.	10
5.	11
6.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Стронциево солнце. Биография свободы в стихах

Глава

АЛЬБИОН

Предисловие.

Друг, дорогой мой, близкий и ушедший так рано по лестнице к звездам, пишу Вам письмо. Надеюсь, Вы его пишете и читаете вместе со мной, как когда-то давно, в то время, не совсем беззаботное, но юное для меня. Когда сирень расцветала иначе. Когда вкус рябины был не таким горьким, как сейчас. Когда принимали мою детскую боль и видели страстное желание гореть любимым делом, которое было лишь фантазией для меня. Мне, правда, жаль, что мы прекратили дружбу, ссылаясь на расстояния, которые разделяли наши живые уроки и беседы.

Мой друг, все бы хотели изменить упущенное прошлое, но это невозможно. Стрелки часов бегут с той же скоростью, не меняя привычный ритм. К сожалению, человек... нет, не человек, а его жизнь не вечна. Вечной остается только память о нем, но и она уходит с нами в могилу. Остается лишь доверять летописям, дневникам и мемуарам, написанным именно в тот период, ибо только они раскрывают глаза на ту действительность и реальность прошедших лет.

Мой друг, я пишу это письмо Вам. Оно — моё подтверждение истории ушедших десятилетий. Подтверждение нашей истории о нас, и только о нас в протекающем временном отрезке. Ни о чем другом писать Вам не буду. Вспомню только нашу дружбу. А Вы, мой друг, если меня слышите, то прошу: присоединяйтесь к этой рукописи и не давайте мне возможности сказать кривду или же утаить правду вовсе.

1.

Случайное стечение обстоятельств или кармическая фортуна.

Помню этот день. На дворе бушевал непредсказуемый март. Сначала, мой милый друг, Вы мне показались грубой и высокомерной женщиной, резко отвечающей на предложения моих старших сестер помочь Вашим ученикам. Но спустя буквально три часа Вы сами обратились ко мне за помощью.

Мы столкнулись в зрительском ложе. Вы заговорили быстро и с очень нежным, добрым взглядом попросили сбегать в аудиторию, чтобы принести флеш-карту с минусовками для выступлений своих подопечных. Я, будучи всю свою сознательную жизнь джентльменом (и оставаясь им по сей день), не раздумывая согласился. Моя роль в тех мероприятиях была не слишком важна, даже навязана мною организаторам. Я хотел принимать участие сам, но препятствием стал мой возраст: к счастью ли, к сожалению ли, я был чуть старше конкурсантов. Ваша же роль была одна из самых важных – член жюри. Я быстро выполнил просьбу и принес оставленную флэш-карту, ожидающую меня на пюпитре пианино.

Когда заканчивалось творческое буйство, мне становилось очень тоскливо. С раннего детства мечтал жить сценой, выступать перед огромными толпами людей. В детском саду я был одним из немногих, кто умел читать и учить большие стихотворения, и именно мне доставались главные роли в спектаклях. С тех самых первых нелепых выступлений я грезил об этом, но не сложилось. Конечно, я успел позаниматься в детских театральных кружках, но чтоб это переросло во что-то серьезное... Нет. Социальное положение, небольшая жилплощадь, частые переезды по стране сложились в карточный домик, ставший причиной моей творческой нереализованности.

Когда завершился последний отчетный концерт, Вы ко мне обратились с просьбой передать Вам все фотографии с мероприятия. Я, конечно, не отказал. И, видя какой-то яркий свет в Ваших глазах, осмелился на то, чего никогда бы не сделал раньше. То ли сияние Ваших глаз и счастье быть на подмостках, то ли юношеский максимализм и рвение обуздать кипящую во мне энергию лицедейства, а может, желание закрыть детский гештальт и проработать травмы, нанесенные окружением... Не знаю, сейчас уже не вспомню, что именно меня побудило. Помню только саму фразу. Мой от природы звонкий и высокий голос споткнулся — то ли от нехватки воздуха, то ли от волнения. Заикаясь и сглатывая слюну, чтобы быть услышанным, я произнес:

— А можно ли мне тоже ходить к Вам на занятия или Вы занимаетесь только детьми?

— Конечно можно. Спишемся по этому поводу, когда я буду посвободнее. Хорошо? — ответили Вы.

В тот момент мои глаза засияли от счастья, внутри все разрывалось гранатой радости. Таким же окрыленным я уходил домой, зная, что это «звездное» теперь со мной надолго.

2.

Вопреки лестничному пролету.

За окном продолжал гулять капризный март. Несмотря на начинающуюся слякоть, из-за дождей со снегом на Урале в это время стоит одеваться теплее. Наше первое занятие произошло в той же аудитории, где когда-то была оставлена флэш-карта. У меня была привычка приходить чуть раньше назначенного времени. Из кабинета доносились детские голоса и перебивы пианино. Вскоре занятие было окончено. Войдя в аудиторию, я поприветствовал уходящих девочек и Вас, мой друг.

Первое, чем мы занялись, — измерением диапазона моего голоса. Перебирая клавиши, Вы слушали неуклюжие звуки моего еще неразвитого голоса. Мне было неловко и немного смешно, ведь пением я занимался впервые. Все казалось неизведанным, и мое детское любопытство пыталось сложить пазл из того, что происходило.

После распевки Вы сказали, что будем учить гаммы. «Гаммы? Что это? Может зря я пришел? Зачем мне это нужно? Это, наверное, сложно?» — шептало мое подсознание. Но азарт узнать что-то новое победил все ловушки разума. Вы начали петь и играть, а затем сказали:

— Повторяй за мной и пой вместе со мной. После нескольких попыток, Вы вынесли вердикт, который в тот момент прозвучал для меня пугающе:

— Ты слышишь, как звук меняется с каждой нотой?

— Не совсем понимаю, о чем Вы, — ответил я.

— Объясню иначе, — сказали Вы и, взяв телефон, включили песню Меладзе «Вопреки». — А так понятней? Слышишь, как с каждым его слогом, голос то взбирается вверх, то спускается вниз, будто по ступеням на лестничной клетке?

— Да! — удивленно ответил я.

— Теперь попробуем с ним, — решили Вы и начали искать текст песни.

Конечно, мне было проще слушать знакомые фразы, нежели вникать в несвязные слоги.

— Теперь домашнее задание: выучить текст песни и расписать мелодию по движению звука — где Валера «поднимается», а где «опускается».

— Хорошо! — ответил я и начал быстро собираться домой. — Можно вопрос?

— Да, конечно.

— Может быть, у меня просто нет музыкального слуха?

— Не думай об этом. Слух есть у всех. Просто он либо не развит, либо нет желания его развивать — так же, как и голос, — ответили Вы.

— Спасибо. До свидания!

— До следующего занятия. Я напишу тебе, когда оно будет! — ответили Вы, мой сердечный друг.

3.

Крючки, вешалки и кашель.

Одно из последующих занятий врезалось мне в память надолго — наверное, потому, что оно показалось очень смешным, но при этом важным. Мы продолжали учить слегка надоевшую мне песню «Вопреки».

— Очень важно правильно дышать! — сказали Вы.

— Да это же проще простого! — ответил я, набрав воздуха и раздувшись, как яростно воркующий голубь.

Но едва начав петь, я стал задыхаться. Нет, воздуха физически хватало, но мне не доставало сил для переходов во время исполнения. Вы посмотрели на меня и, улыбнувшись, сказали:

— Встань прямо. Ноги на ширине плеч. Осанка должна быть ровной. Делаеть короткий, но глубокий вдох, затем максимально долго выдыхаешь — и все это со звуком. Во время исполнения пресс должен быть как камень. Понятно?

Я кивнул, что понял. Но после первой же попытки — снова промах.

— Я понимаю, что это кажется сложным, почти невозможным, но кто сказал, что будет легко? — произнесли Вы. — Дышать нужно так, чтобы во время исполнения, твоя осанка была неподвижной, а голос, напротив, гибким. Пробуем!»

После очередной попытки Вы немного задумались и произнесли:

— Почти весь звук идет «из головы», понимаешь? Представь: когда ты берешь высокую ноту, тебя будто подвешивают за шиворот на крючок вешалки, как куртку. А когда спускаешься — либо снимают с петли, либо подвешивают окончательно. Окончательно — значит завершение строки. Понимаешь?

— Да! — ответил я. Мы попробовали еще раз, и получилось! Я начинал не просто издавать звуки, а мыслить образами. Реально представлял, как меня то подвешивают, то снимают с вешалки, и одновременно заставлял тело слушаться: чтобы не дергались ключицы, чтобы пресс оставался стальным.

— Получилось! Я по взгляду поняла, что ты это представил, — похвалили Вы. — Твой взгляд прямо-таки кричал «Спасите, помогите, меня ведут на виселицу!»

— Серьезно? Наверное, это выглядит довольно смешно? — робко спросил я.

— Вот дома и посмотришь, когда будешь тренироваться! Потом мне расскажешь. Это будет твоим маленьким домашним заданием.

Придя домой, я решил на это посмотреть. И правда — зрелище не для слабонервных: слегка закатывающиеся глаза на высоких нотах и уставшие, тяжелые веки в финале фразы.

Было еще одно занятие, которое врезалось мне в память навсегда.

На дворе стоял непогожий апрель. То ли снег таял от теплого солнца, то ли резкие холодные ветра приносили мерзкую морось. Я немного простыл, но чтобы не пропускать любимые занятия, принял дома все сразу: таблетки, спреи, сиропы от кашля — лишь бы иметь возможность петь. Когда я пришел в студию, мы начали распеваться, и вдруг Вы спросили:

—

Ты не простыл?

— Нет, — ответил я, стараясь не выдать своего испуга.

— Сходи к кулеру и выпей теплой воды, а после продолжим репетировать.

Я попил воды, и мы отзанимались целый час без перерывов. Уходя домой, я услышал напутствие:

— Мой совет тебе как вокалисту: весной и осенью носи шарф, не студи связки и дыхательную систему, иначе долго будешь лечиться. И еще один: если чуть заболело горло — отме-

ный занятия. Либо голос сорвешь, либо разболеешься окончательно. Надеюсь, ты правильно применишь эти советы».

Выходя из центра детского творчества, я чувствовал неловкость от того, что обманул Вас. Я решил не признаваться, что пришел уже больным и довел его до конца. Ночью я спал спокойно, а наутро не смог и вымолвить ни слова — кашель был невыносимым. Он не просто срывал связки, он буквально уничтожал всю систему дыхания. Тогда я осознал, какой глупостью было не прервать занятие ради здоровья. В итоге мы смогли вернуться к урокам спустя три недели.

4.

Каникулы.

«Наши с Вами занятия, мой друг, длились уже чуть больше трех месяцев. В центре детского творчества, как и во всех учебных заведениях, начинался образовательный перерыв, или, говоря обычным языком, — каникулы. Виделись мы с Вами редко, занятия свелись почти к нулю, оставалось только время — время ожидания. Дома я репетировал самостоятельно. Желание стать медицинским работником ушло вместе с документами, которые я забрал из колледжа; началась плодотворная работа над голосом. В тот период юности я рассуждал глупо: мнил себя гениальным талантом уровня Фредди Меркьюри, верил, что слава сама идет ко мне в руки. За это короткое лето я подбирал репертуар, с которым, как мне казалось, мог справиться — это было мое домашнее задание на каникулы. Я переслушал многих исполнителей, и во многих успел разочароваться. Те, кого я считал кумирами за их лирику и эмоции, теряли свой статус в моих глазах, стоило мне лишь увидеть их живые выступления в интернете.

Уйдя из медицинского колледжа, я устроился барменом в ночной клуб. Параллельно с изучением музыки я начал познавать искусство миксологии, флейринга, работу бариста и титестера. Мне нравилась ресторанный сфера: график был умеренным — четыре ночи в неделю, а будни оставались свободными для дела, которое я считал по-настоящему важным. Еще одним плюсом работы было обилие музыки и творческих людей, зарабатывающих выступлениями. Это воодушевляло и вдохновляло меня: артисты преподносили свой талант так уверенно и дерзко, что за ними хотелось идти. Но зачастую эти люди при личном общении оказывались, к сожалению, такой же серой массой, какой являлся (а возможно, и являюсь) я. Их пустой внутренний мир, вредные привычки и надменные взгляды на обслуживающий персонал вызывали во мне полную дисгармонию. Это чувство возникает и сейчас, стоит мне столкнуться с подобной несправедливостью. Но, пожалуй, оставим настоящее и вернемся в прошлое.

Последние две недели августа тянулись дольше всего. Каждый день, несмотря на загруженные трудовые будни, длился вечность — мне хотелось творить, «рвать и метать». Перейдем же к сентябрю, мой друг, к яркому, огненному сентябрю, ведь он стал одним из самых запоминающихся в моей жизни.

5.

Страсти алеющей листвы.

Сентябрь. Люблю этот месяц. Он начинается с Дня знаний, когда все вокруг нарядные, но сдержанные. Классический стиль в одежде на время стирает навязанную летом палитру «радуги» и подчеркивает строгими черными, белыми и серыми тонами правильные очертания фигур. Мне нравятся эти «шахматные» люди на фоне зреющих ягод рябины и желтеющей листвы берез. Но поскольку я уже не был ни школьником, ни студентом, мое утро начиналось только в два часа дня — и под музыку великолепной Тины Тернер. Вдохновляющее утро с чашкой кофе в съемной комнате общежития, легкая сигарета с ментолом и странные танцы... Всё во мне бушевало: я знал, что скоро мы снова увидимся с Вами, мой милый друг. Энергии накопилось столько, что ее некуда было девать, и я с нетерпением ждал наших занятий.

В один из таких дней я признался Вам, что хочу не просто петь, а получить профессиональное музыкальное образование. Вы не стали смеяться над моей мечтой — напротив, тут же принялись за работу. Мы начали репетировать более сложные произведения, мой голос становился гибче, а пламя творчества во мне не угасало, а разгоралось всё сильнее, как осенняя листва кленов. К этому драйву добавилось нечто новое: я начал не просто слышать и воспроизводить музыку, но и писать для неё стихи.

Однажды я показал Вам свои тексты, и Вы произнесли фразу, которая до сих пор греет мне душу: «Ты — мой проект. И теперь я не просто твой учитель, я твой друг». Вы стали первой, кому я позволил увидеть свои переживания на бумаге. И их не растоптали, над ними не смеялись — в них прониклись, их поняли и разделили мои чувства. Это стоит дорого. Нет, это не стоит ничего — это бесценно, как и наша с Вами дружба.

Ранее я познакомился с музыкантом — нашим, впоследствии, общим близким другом, который написал музыку на мои стихи. Мы начали учить собственное произведение — творение нашего трио. Но всё шло не так гладко и легко, как с мировыми хитами. Я то фальшивил, то не попадал в ритм, не в силах прочувствовать мелодию; всё сводилось к мысли, что мне не стоит продолжать. Но Вы, мой друг, спасли меня. Вы дали совет, который я теперь рекомендую всем начинающим творцам. Я не понимал, как передать голосом то, что доверил бумаге, и тогда Вы предложили мне посмотреть фильм, эмоционально созвучный моему тексту. До этого я никогда не смотрел артхаус, но «Меланхолия» Ларса фон Триера задела меня так глубоко, что на следующем занятии всё изменилось. У меня наконец получилось то, что было нужно. Да и в обычной жизни, мой хороший друг, Вы давали мне лучшие советы. Я буду помнить их столько, сколько позволит мне память.

6.

Крах короны.

Прошло много месяцев упорных занятий и, мне казалось, все достижимым. В июле я поехал в соседний город, чтобы поступить в музыкальный колледж. Внутри кипело счастье, что вот-вот и я творец. Но, оказалось не так.

Пока я ждал своей очереди на вступительных экзаменах многое, что понял. Во-первых, я был старше всех поступающих на пять-шесть лет, а в искусстве, вернее в обучении искусством очень важен возраст. Во-вторых, я был одним из последних на пробах и слышал, как выступали ребята передо мной, и я осознавал, что эти дети, занимаются с детства, а я, даже не зная нотной грамоты, иду поступать туда, в чем я даже не особо разбираюсь. Возможно, это и повлияло на то, что я провалил все вступительные и не попал туда, к чему стремился. Допустил я еще одну ошибку, что не подавал документы в другие музыкальные учреждения. Этот, смешной сейчас для меня, провал, в тот период времени был ножевым ударом в сердце. Я помню, как Вы, мой друг, сказали не отчаиваться, заниматься дальше и пробовать поступать в следующем году, но мой юношеский максимализм, мое юношеское эго было так задето, что я прекратил грезить этой мечтой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.